

ПРИЗРАК С ЛИТЕЙНОГО МОСТА

ЮЛИАН ВОРОН

СУМЕРКИ НАД НЕВОЙ

18+

Сумерки над Невой

Юлиан Ворон

Призрак с Литейного моста

«Автор»

2026

Ворон Ю.

Призрак с Литейного моста / Ю. Ворон — «Автор»,
2026 — (Сумерки над Невой)

Осень 1913 года. Петербург охвачен паникой: на Литейном мосту один за другим сводят счёты с жизнью уважаемые горожане. Ни следов борьбы, ни предсмертных записок. Газетчики раздувают легенду о призраке, манящем в черную бездну Невы честных граждан. Но дочь одного из погибших не верит в мистику и просит частного сыщика Родиона Воронова докопаться до правды. Правда, как всегда, оказывается неправдоподобной.

© Ворон Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Человек со стеклянными глазами	5
Глава 1. Долг, отданный воде	7
Глава 2. Газетный призрак	9
Глава 3. Последний акционер	11
Глава 4. Салон на Английской набережной	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юлиан Ворон

Призрак с Литейного моста

Пролог. Человек со стеклянными глазами

История эта случилась за год до известных событий в "Бродячей собаке" и разгрома секты Змеи, осенью 1913 года. Расследуемое дело было найдено в архивах сыщика Воронова среди прочих дел и показалось мне довольно интересным после прочтения. Теперь я представляю его на суд публики с небольшими сокращениями.

Петербург тонул в сером, промозглом тумане, который, был не просто погодным явлением, а самой сутью города. Он проникал всюду: в узкие улочки, в гранитные фасады домов, и, главное, в души его обитателей. Особенно сильно он сгушался над Невой, где влажный воздух, смешанный с дыханием холодной воды, создавал особую, мрачную атмосферу.

Именно здесь, на Литейном мосту, в один из таких туманных вечеров, произошла первая странность. Респектабельный купец первой гильдии, Илья Петрович Брусилов, известный своей бережливостью и отсутствием каких-либо причин для уныния, подошёл к парапету. Его видели несколько случайных прохожих, спешивших домой. Он стоял у самого края, глядя куда-то вдаль, на темнеющую гладь реки. Казалось, он погружён в свои мысли. А потом... потом он просто шагнул вперёд. Без колебаний, без крика, словно выполняя какой-то неотвратимый, но совершенно обыденный ритуал.

Его тело нашли лишь на следующее утро, вытащенным из воды. Ни предсмертной записки, ни следов борьбы. Всё указывало на самоубийство.

Но что-то в этом поступке было странным. Брусилов был человеком, твёрдо стоявшим на земле, даже когда его дела шли неважно. Говорили, что он готовился к выгодной сделке.

Через две недели история повторилась. Инженер Антон Лебедев, человек с блестящей репутацией и без видимых причин для отчаяния, тоже шагнул с Литейного моста. И снова — тот же сценарий. Отсутствующий взгляд, странная отрешённость, роковое движение через перилы.

А ещё через неделю — третий. Чиновник Семёнов, коллежский ассессор, попавший на прошлой неделе в газетную хронику из-за скандала со взяткой. Его нашли сжимающим в руке бумажник, полный червонцев. На предсмертное послание не тянуло, а скорее на свидетельство последней успешной сделки.

Тогда Петербург охватила тихая паника. Три респектабельных человека, принадлежавших к разным кругам, совершили самоубийства при странных обстоятельствах.

А в это время бойкий репортёр «Петербургского листка», Игнат Лядов, уже вовсю раздувал новую городскую легенду. Он писал о «Призраке с Литейного моста» — утонувшей давным-давно девушке, которая теперь мстит грешникам, увлекая их в ледяные объятия Невы. Истории о странных тенях, мелькающих на мосту в тумане, о загадочных голосах, зовущих жертв по имени, — всё это было именно то, что нужно для привлечения внимания читателей.

Полиция, как водится, разводила руками. Никаких улик, никаких мотивов, кроме «общего упадка настроения».

И тут к частному сыщику Родиону Воронову пришла молодая девушка. Студентка Бестужевских курсов, Ксения Лебедева. Её отец, инженер Лебедев, был одной из жертв. Она не верила в самоубийство. Она верила в то, что призрак с Литейного моста — всего лишь красивая сказка, призванная скрыть вполне земную, более страшную правду.

Воронов выслушал её, разглядывая строгие черты её молодого, решительного лица. Он тоже не верил ни в призраков, ни в мистические проклятия. Он хорошо знал людей. Их способность творить зло, даже когда оно скрывается за самыми невинными масками. Он чувствовал, что за этой чередой загадочных смертей кроется нечто более зловещее, чем простая городская легенда.

Он чувствовал холодный, расчётливый ум, который играл с жизнями людей, словно с шахматными фигурами. И этот ум, каким бы «призрачным» ни казалось его творение, скорее всего, был вполне земным.

Глава 1. Долг, отданный воде

Ксения Лебедева сидела в кресле для посетителей прямо, не касаясь спинки. Её строгое тёмное платье курсистки и гладко зачёсанные волосы создавали обманчивое впечатление покорности. Но в её серых, умных глазах горел холодный, упрямый огонь, который сразу понравился Воронову. Эта девушка не будет плакать и заламывать руки. Она будет искать ответы.

— Я понимаю, господин Воронов, что моя история может показаться вам... надуманной, — начала она ровным, хорошо поставленным голосом. — Полиция меня выслушала с вежливым сочувствием и посоветовала обратиться к доктору для нервов. Но я знаю своего отца. Он не был человеком, способным на самоубийство.

— Расскажите мне о нём, — попросил Воронов, закуривая папиросу фабрики “Оттомань”.

— Отец был инженером-путейцем. Человеком науки, фактов, чертежей. Он презирал всякую мистику и суеверия. Да, в последние годы его финансовые дела шли не блестяще, но он никогда не отчаивался. Наоборот, он как раз заканчивал расчёты для нового проекта — моста через Волгу. Он жил этим проектом! Человек не убивает себя накануне осуществления своей мечты.

— Но что-то ведь изменилось в его поведении? — уточнил сыщик.

Ксения на мгновение задумалась.

— Да. Последние недели он был... не похож на себя. Рассеян, задумчив. Плохо спал. Жаловался на кошмары, но не рассказывал, что ему снится. А иногда я заставляла его за странным занятием. Он сидел за столом и просто рисовал на бумаге какие-то каракули, спирали. Одну за другой. Бессмысленно, механически.

Она достала из своего ридикюля сложенный вчетверо лист бумаги и протянула Воронову. Это был тот самый рисунок, о котором она говорила. Лист был почти полностью покрыт туго закрученными спиралями, нарисованными карандашом с сильным, монотонным нажимом.

— А в последний вечер, накануне... — её голос дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. — Он был особенно странным. Он ходил по кабинету и несколько раз повторил одну и ту же фразу: «Нужно вернуть долг воде». Я спросила, что это значит. А он посмотрел на меня так, словно не узнал. У него был... совершенно пустой взгляд. Стекланный. А на следующее утро его нашли в Неве.

«Человек со стеклянными глазами», — подумал Воронов. Именно так описывали очевидцы и других самоубийц.

— Скажите, Ксения Антоновна, ваш отец был знаком с другими погибшими - господами Брусиловым и Семёновым?

Девушка удивлённо вскинула брови, секунду помолчала, вспоминая:

— Что-то такое было. Но это было давно, лет десять назад. Они все были акционерами общества “Северные верфи” или как-то в этом роде. Но оно прогорело. Они вкладывали свои капиталы и привлекали вкладчиков со стороны. Отец не любил об этом вспоминать. Говорил, что это была ошибка, которая стоила ему репутации и больших денег. Деловое знакомство.

— Не помните еще кого-нибудь из вкладчиков или акционеров?

— Помню одного. Некий господин Горшков. Павел, кажется. После банкротства он, в отличие от остальных, сумел сохранить часть состояния, тогда он жил где-то на Крестовском острове.

Воронов думал. Есть небольшая зацепка. Предприятие “Северные верфи”. Группа акционеров, привлекавших вклады, трое из них мертвы. Еще один — растворился в большом каменном городе. Что это - месть вкладчика? Но каким образом? Все они ушли по доброй воле.

— А этот репортёр... Лядов. Он говорил с вами?

На лице Ксении появилось выражение безразличия.

— Говорил. Отвратительный тип. Спрашивал, не видел ли отец перед смертью «даму в белом», не слышал ли «потустороннего шёпота». Просто омерзительно. Лепил свою грязную сенсацию, не считаясь с нашим горем.

Воронов затушил папиросу. Итак, что у нас есть. С одной стороны — вполне земной и логичный мотив: например, месть обманутого вкладчика или сведение счётов между бывшими партнёрами. С другой — совершенно иррациональный, мистический способ убийства, который не оставлял никаких следов. Мда-с, дело нераскрываемое, как ни крути, хм...

— Я возьмусь за ваше дело, Ксения Антоновна, — сказал он. — Я не обещаю вам чудес. Но я обещаю, что буду искать не призраков, а человека.

Когда она ушла, он ещё долго сидел, разглядывая странный лист бумаги, испещрённый спиралями. Это была не улика в привычном смысле слова. Это был ключ. Ключ к сознанию инженера Лебедева.

И кто-то вложил этот ключ ему в голову. Зачем? Одни вопросы...

Он посмотрел на короткий список, который набросал во время разговора. Первым пунктом в нём значился Павел Горшков, единственная зацепка. Вторым — Игнат Лядов, дирижёр этого балагана с привидениями. Далее - родственники Брусилова и Семенова.

Нужно было с чего-то начинать.

Глава 2. Газетный призрак

Прежде чем искать бывшего акционера Горшкова, Воронов решил встретиться с человеком, который был полной его противоположностью, — с создателем паники, репортёром Игнатом Лядовым. Нужно внушить этому борзописцу пару мыслей, дать несколько идей для следующей статьи, и хорошенько припугнуть последствиями его работы.

Если уж искать кукловода, то Лядов — прекрасная наживка для этого. Статьи про призраков и убийства очень популярны во всех слоях общества и предполагаемый убийца (если он существует) непременно прочтёт очередную сенсацию.

Контора газеты «Петербургский листок» на Невском проспекте гудела, как растревоженный улей. Пахло типографской краской, дешёвым табаком и сенсациями.

Самого Лядова он нашёл в отделе хроники. Это был юркий, подвижный молодой человек с наглыми бегающими глазками и въедливой, заискивающей улыбкой. Он был одет по последней моде — узкий сюртук, яркий галстук, — и от него за версту несло самоуверенностью человека, поймавшего удачу за хвост.

— Родион Ильич Воронов! — воскликнул он, вскакивая навстречу. — Наслышан, наслышан! Великий сыщик! Какая честь! Чем могу служить столь знаменитому человеку? Неужто сама полиция решила прибегнуть к вашим услугам в деле о «Призраке с Литейного»?

Его тон был откровенно издевательским.

— Полиция пока обходится своими силами, — сухо ответил Воронов. — Я здесь по частному поручению. От дочери инженера Лебедева.

Улыбка на мгновение сползла с лица Лядова.

— Ах, эта барышня... Упрямая особа. Не хочет принять очевидного. Горе, знаете ли. Туманит разум.

— Мне бы хотелось узнать, откуда вы черпаете информацию для ваших статей, господин Лядов. Ваши описания «дамы в белом» и «потустороннего шёпота» поражают своей детализацией. Вы сами были свидетелем этих явлений?

Репортёр снова расплылся в улыбке.

— О, господин сыщик, вы же понимаете! Ухо репортёра должно быть везде! Люди говорят, шепчутся... Моя задача — лишь собрать эти слухи, облечь их в красивую форму и подать читателю. Народ жаждет тайн! Ему скучны ваши полицейские протоколы. Ему нужна мистика, драма, великая трагедия! Я даю им это.

— То есть, вы всё это выдумали?

— Ну что вы, как можно! — Лядов картинно всплеснул руками. — Я лишь творчески перерабатываю... народный фольклор. Наш город стоит на болоте, он полон призраков. Разве вы не чувствуете? Я просто дал одному из них имя.

Он был скользким, как угорь. Поймать его на прямой лжи было невозможно. Он плавал в мире полуправды и откровенных домыслов, как рыба в воде.

— Скажите, Лядов, — сменил тактику Воронов, — а вам не кажется странным, что все три жертвы вашего «призрака» были деловыми партнёрами?

Глазки репортёра на мгновение перестали бегать и сфокусировались на Воронове. В них мелькнул острый, хищный интерес.

— Вот как? Партнёрами? Любопытная деталь... Весьма любопытная. Вы уверены?

— Абсолютно. Брусилов, Лебедев, Семёнов. И четвёртый, пока ещё живой, — Горшков. Десять лет назад — акционерное общество «Северные верфи». Банкротство. Обманутые вкладчики.

Лядов достал блокнот и карандаш и начал быстро строчить.

— Великолепно! — бормотал он. — Просто великолепно! Проклятие обманутых душ! Призрак мстит за поруганную справедливость! Это же золотая жила! Господин Воронов, вы гений! С меня причитается!

Воронов смотрел на него с холодным презрением. Для этого человека не было ничего святого. Чужое горе, смерть, страх — всё это было лишь сырьём для его газетной фабрики.

— А вам не приходило в голову, — сказал Воронов, понизив голос, — что, раздувая эту истерию, вы, возможно, играете на руку вполне земному убийце? Что весь этот мистический туман — идеальное прикрытие для того, кто методично, одного за другим, убирает своих врагов?

Лядов на секунду замер. Его улыбка стала менее уверенной.

— То есть... вы думаете, это убийства?

— Предполагаю. И убийца, кем бы он ни был, должен быть вам очень благодарен. Вы создали ему идеальные условия. Пока весь город дрожит от страха перед призраком, он спокойно делает свою работу.

Репортёр нервно слотнул. Одно дело — писать о привидениях. Другое — осознавать, что ты можешь быть невольным пособником хладнокровного убийцы.

— Но... но у меня нет доказательств... что это убийства, — пролепетал он.

— А они вам и не нужны, — отрезал Воронов. — Я не прошу вас прекращать писать. Наоборот. Напишите о том, что я вам рассказал. О партнёрах, о банкротстве. Напугайте предполагаемого убийцу. Заставьте его думать, что следствие идёт по его пятам. Иногда, чтобы выманить зверя из норы, нужно как следует пошуметь у входа.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— И мой вам совет, господин Лядов. Будьте осторожны. Убийце может не понравиться, что вы, пусть и неосознанно, начали мешать его игре. Призраки, знаете ли, не любят, когда в их дела вмешиваются газетчики.

Он вышел, оставив репортёра в состоянии глубокой задумчивости. Воронов знал, что наживка заброшена. Завтрашний номер «Петербургского листка» выйдет с новой, ещё более громкой сенсацией. Мистический флёр начнёт рассеиваться, уступая место вполне земным мотивам — деньгам и мести.

И это должно было заставить нервничать как минимум двоих: последнего выжившего партнёра и самого убийцу. А когда люди нервничают, они совершают ошибки.

Глава 3. Последний акционер

Найти Горшкова не составило труда. Воронов навел справки в адресном столе Петербурга при управлении градоначальства, там работал его давний знакомый. Обосновавшись на Крестовском, он более никуда не перебирался. Так и остался жить затворником в своей берлоге после банкротства верфей. Особняк Павла Горшкова на Крестовском острове был похож на крепость. Высокий каменный забор, кованые ворота, запертые наглухо, окна на первом этаже, закрытые тяжёлыми железными ставнями. Здесь жил человек, который явно чего-то боялся. Боялся, видимо, смертельно.

Воронову пришлось долго звонить и стучать, прежде чем заскрипела крохотная калитка и из неё выглянул испуганный, небритый лакей. Лишь упомянув имя инженера Лебедева, смерть которого он расследует, и, показав свою визитную карточку, сыщику удалось добиться, чтобы его впустили.

Сам хозяин дома принял его в своём кабинете, заставленном массивной дубовой мебелью. Павел Горшков был полной противоположностью своим покойным партнёрам. Если те, судя по отзывам, были людьми деятельными и рисковыми, то этот был мясистым, рыхлым мужчиной с дряблой кожей, мешками под глазами и бегающим, затравленным взглядом. От него пахло дорогим коньяком и тревогой.

— Что вам нужно? — спросил он дрожащим голосом, не предложив Воронову сесть. — Если вы от полиции, то я уже всё сказал. Я ничего не знаю.

— Я не от полиции, господин Горшков. Я здесь по просьбе дочери Антона Лебедева.

При имени Лебедева Горшков вздрогнул и перекрестился.

— Царствие ему небесное... Ужасная смерть. Ужасная! Это всё она... проклятие...

— Вы о чём? О призраке с Литейного моста что-ли? — спросил Воронов.

— А о чём же ещё! — почти взвизгнул Горшков. — Вы читали газеты? Это месье! Она идёт за нами! За всеми! Илья, Антон, Фёдор... я следующий! Я знаю! Господи, я...я...

Он подбежал к бару, налил себе в бокал коньяку дрожащей рукой и залпом осушил его.

— Расскажите мне лучше о «Северных верфях», — спокойно попросил Воронов. — Что там произошло на самом деле?

Горшков посмотрел на него с подозрением.

— При чём здесь это? Это дела давно минувших дней. Десять лет прошло.

— Все трое погибших были вашими партнёрами по этому делу. Мне кажется, связь очевидна.

— Много воды утекло. За это время были и другие предприятия. То, конечно, самое крупное. Почему вы уверены что есть какая-то связь именно с ним?

— Скажем так - интуиция.

— Хм...интуиция. Ладно.

Горшков обмяк и тяжело опустился в кресло.

— Это была ошибка, — пробормотал он. — Молодые были, жадные... Хотели быстро разбогатеть. Основали акционерное общество, набрали денег у вкладчиков под обещания баснословных барышей. А дело не пошло. Контракты срывались, поставщики подводили... Мы всё потеряли. И деньги вкладчиков тоже.

— И кто были эти вкладчики?

— Разные люди. Купцы, чиновники, даже несколько вдовствующих генералыш, — он махнул рукой. — Был скандал, суд... Но доказать злого умысла не смогли. Нас признали просто... неудачливыми коммерсантами.

— Но, в отличие от ваших партнёров, вы сумели сохранить состояние.

Взгляд Горшкова стал злым и колючим.

— Я был умнее! — огрызнулся он. — Я вовремя вышел из дела, продав свою долю, ещё до окончательного краха. Я их предупреждал! Но они не слушали. Они хотели играть до конца.

— И кто-то из обманутых вкладчиков мог затаить на вас злобу? Угрожал вам?

— Да все угрожали! — снова взвизгнул Горшков. — Писали анонимные письма, обещали сжечь, утопить... Но это было десять лет назад! Кто же будет мстить спустя столько времени? Нет, это не люди. Это она... девушка одна...

— Какая девушка? — насторожился Воронов.

— Был среди вкладчиков один... доктор. Молодой, талантливый. Фамилию не помню. Он вложил в наше дело всё состояние, полученное в наследство. И всё потерял. Говорят, его молодая жена после этого... помешалась от горя и бросилась в Неву. Как раз с Литейного моста.

“Хм, вот значит что. Газетный призрак и не такой уж и призрак оказывается”, - подумал Воронов.

— И что стало с этим доктором?

— Не знаю, — пожал плечами Горшков. — Кажется, уехал за границу. Лечиться или учиться, чёрт его разберёт. С тех пор я о нём не слышал. Но теперь... теперь я уверен, это дух его несчастной жены мстит нам!

Он снова вскочил и начал метаться по кабинету.

— Я заперся здесь, никуда не выхожу. Но я чувствую, что она близко! Я плохо сплю, мне снятся кошмары. Мост, тёмная вода... Она зовёт меня!

Воронов смотрел на этого трясущегося от страха и алкоголя человека и испытывал смешанное чувство. С одной стороны, Горшков был жалок. С другой — его страх был лучшим доказательством того, что за историей с «верфями» скрывалось нечто большее, чем просто коммерческая неудача. Скорее всего, это было банальное мошенничество. И теперь, спустя десять лет, пришло время платить по счетам.

— Я вам советую нанять хорошую охрану, господин Горшков, — сказал Воронов, поднимаясь. — И поменьше пить. Алкоголь делает волю слабой. А ваш враг, кем бы он ни был — призраком или человеком, — бьёт именно по воле.

Он вышел из душного, пропитанного страхом дома на свежий, морозный воздух. Картина начала проясняться. Убийца, скорее всего, был тем самым доктором. Он вернулся. И он мстил. Изощённо, жестоко, используя какой-то неизвестный Воронову метод, который ломал волю его жертв.

Оставалось понять, что это за метод. И как человек науки, инженер Лебедев, мог поддаться ему? Ответ на этот вопрос, возможно, скрывался в тех странных спиралях, которые он рисовал перед смертью. И в его последних словах: «Нужно вернуть долг воде».

Это была не фраза сумасшедшего. Она звучала как команда. Чёткий, вложенный в сознание приказ. Нужно понять, кто и как его отдал.

Глава 4. Салон на Английской набережной

Разговор с Лядовым оставил у Воронова двоякое чувство. Репортёр был скользкий, но его статьи обладали одним неоспоримым достоинством: их читали все. А значит, убийца — если он, конечно, существовал — тоже следил за газетной шумихой.

Но был ещё один слой общества, куда газетные листки проникали с трудом. Высший свет. Тот самый, где дамы в соболях шушукались о модных докторах, а господа в белых перчатках обсуждали новейшие методы лечения нервов. Именно там, скорее всего, и следовало искать таинственного доктора-гипнотизёра.

Именно поэтому Воронов, покинув редакцию «Петербургского листка», велел извозчику ехать на Английскую набережную.

Особняк мадам Эжени сиял огнями. Здесь, в просторной гостиной с лепными потолками и огромными зеркалами, каждый четверг собирался цвет петербургского общества. Пили чай, играли в карты, сплетничали и, сами того не замечая, выбалтывали секреты, за которые любой сыщик отдал бы месячное жалованье. Сама хозяйка, Евгения Павловна, давно привыкла к тому, что её дом называют «салонем без фамилии» — её покойный муж не оставил громкого имени, зато оставил состояние, а своё положение в свете она выстроила сама.

Эжени встретила Воронова в малой гостиной, отделанной в персидском стиле. На ней было домашнее платье изумрудного бархата, а в руках — длинный мундштук с тлеющей папирсой. При виде гостя она отложила мундштук и подалась вперёд с тревогой в глазах.

— Родя, ты выглядишь так, словно за тобой гнались черти. Что-то случилось?

— Пока нет. Но может случиться, если я не найду одного человека.

Он вкратце пересказал ей историю: три самоубийства на Литейном мосту, бывшие партнёры по «Северным верфям», таинственный доктор, чья жена погибла в Неве.

— Мне нужно знать, кто из модных врачей, практикующих гипноз, вхож в ваши круги, — закончил он. — И кто из них год назад вернулся из-за границы.

Эжени задумалась, постукивая мундштуком по хрустальной пепельнице.

— Гипноз — это теперь модно, — произнесла она. — На прошлой неделе у Анны Вяземской был сеанс у какого-то приезжего магнетизёра. Говорит, он заставил её вспомнить прошлую жизнь. Оказалось, в прошлой жизни она была египетской жрицей, — Эжени усмехнулась. — Но это явно шарлатан.

— А среди настоящих врачей?

— Дай-ка вспомнить — она прищурилась, перебирая в уме список гостей своих салонов. — Месяца два назад у меня на ужине был профессор Бехтерев. Он, конечно, гипнозом занимается, но он слишком большая фигура для такой грязной игры. Был ещё доктор Вернер, но он старик, практикует лет тридцать, никуда не уезжал. Ах да!

Она вдруг оживилась.

— Прошлой весной, на приёме у Юсуповых, я видела одного очень импозантного господина. Высокий, стройный, с благородной сединой на висках. Иностранная фамилия то ли шведская, то ли немецкая. Штерн или Штайн не могу вспомнить точно. Говорили, он только что из Вены, ученик самого Шарко. Дамы были от него без ума. Он им головы заговаривал в прямом смысле — демонстрировал гипноз прямо в гостиной. Одна графиня после его сеанса не могла вспомнить собственного имени, вот смеху-то было.

Воронов насторожился.

— Не припомнишь подробностей? Как он выглядел, как держался?

— Держался безупречно. С большим достоинством, но без высокомерия. Манеры — как у дипломата. Голос низкий, обволакивающий. Знаешь, есть такие люди, которые одним своим

присутствием заставляют всех замолчать. Он из таких. Но при этом в нём чувствовалась какая-то печаль, что ли. Словно он носит внутри какую-то тайну.

— О нём что-нибудь ещё говорили?

— Говорили, что он вдовец. Трагическая история — жена погибла при каких-то загадочных обстоятельствах ещё до его отъезда в Европу. Он никогда об этом не распространяется, но дамы, разумеется, обожают эту ауру тайны и скорби. Красивый, печальный доктор с разбитым сердцем — они выстраиваются к нему в очередь.

Воронов слушал очень внимательно.

— И многих он уже... вылечил?

— Судя по сплетням, его практика процветает. У него лечатся и купцы, и чиновники, и светские дамы. Говорят, его метод — это нечто революционное. Но где именно он принимает, я не знаю. Он избегает шумных соборщ, предпочитает, чтобы пациенты приходили к нему сами.

— Жаль. Фамилия — это уже ниточка, но без неё искать трудно.

— А ты обратись к Герману Карловичу, — посоветовала Эжени. — К Финкельштейну, аптекарю с Садовой. Он знает всех докторов в Петербурге как свои склянки. Уж он-то наверняка сможет сказать, кто из практикующих гипноз недавно вернулся из-за границы.

— Хорошая мысль, — кивнул Воронов.

Эжени посмотрела на него долгим взглядом.

— Родя, будь осторожен с этими людьми. Если он действительно тот, кого ты ищешь, то, он опасен для тебя. Гипноз — это страшная сила. Я слышала, что некоторые врачи могут внушить человеку всё что угодно. Даже заставить его поднять на себя руку.

— Я знаю. Именно поэтому я и хочу найти его как можно скорее.

Он поднялся.

— Если услышишь ещё что-нибудь — дай знать.

— Непременно. И, Родя — она задержала его руку в своей. — Не пропадай надолго. Твои визиты — единственное, что отвлекает меня от тоски по Парижу.

Он поцеловал ей руку и вышел в морозный петербургский вечер.

Хм... Импозантный господин с иностранной фамилией и тёмным прошлым. Вдовец, ученик Шарко, вернувшийся из Вены. Надо заглянуть к Финкельштейну. А там — посмотрим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.